

Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).
Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 81'27+811.581'42
ББК Ш171.1-51+Ш100.621+Ш100.63

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Лю Сюечжэнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, lxuezhen@outlook.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7253-1228>

Механизмы кросс-культурной коммуникации на базе китайской культурной традиции в современном китайском дипломатическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Данная статья представляет собой анализ механизмов кросс-культурной коммуникации в современном китайском дипломатическом дискурсе, основанный на историческом анализе традиционной китайской культуры и дипломатической практики. Китайский дипломатический дискурс глубоко укоренен в исторически сложившейся традиционной культуре Китая, особенно в традиционных идеях и ценностях конфуцианства и даосизма, которые сформировали общий стиль китайского дипломатического дискурса, который стремится учитывать общие интересы международного сообщества и нацелен на взаимовыгодное развитие всех сторон, с учетом их национальных интересов и культурного своеобразия. Теоретическое осмысливание традиционного китайского дискурса межэтнической и межкультурной коммуникации создает новую эпистемологическую базу для планирования стратегий современной китайской дипломатии и расширяет перспективы успехов китайской дипломатии в налаживании мирного и плодотворного диалога со всеми народами и государствами мира. При построении дипломатического дискурса необходимо в полной мере осознавать в высшей степени сложный кросс-культурный контекст, в котором он протекает, рассматриваемый как реальная среда глобального взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская дипломатия, дипломатический дискурс, политический дискурс, китайский язык, конфуцианство, даосизм, международные отношения, лингвокультурология, китайская лингвокультура, мягкая сила, кросс-культурная коммуникация, культурные традиции.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Сюечжэнь (Китай), аспирант философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4; email: lxuezhen@outlook.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю, Сюечжэнь. Механизмы кросс-культурной коммуникации на базе китайской культурной традиции в современном китайском дипломатическом дискурсе / Лю Сюечжэнь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 216-222.

Liu Xuezhen

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lxuezhen@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-7253-1228>

The Mechanisms of Cross-Cultural Communication on the Basis of the Chinese Cultural Tradition in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse

ABSTRACT. The article analyzes the mechanisms of cross-cultural communication in the modern Chinese diplomatic discourse, based on the historical analysis of the traditional Chinese culture and diplomatic practice. The Chinese diplomatic discourse is deeply rooted in China's historical traditional culture, and specifically in the traditional ideas and values of Confucianism and Taoism, which have shaped the overall style of the Chinese diplomatic discourse, targeted at taking into account the common interests of the international community and the mutually beneficial development of all parties with their national interests and cultural specificity. The theoretical understanding of the traditional Chinese discourse of inter-ethnic and intercultural communication provides a new epistemological basis for planning the strategies of the modern Chinese diplomacy and broadens the prospects of success for Chinese diplomacy in building a peaceful and fruitful dialogue with all peoples and nations of the world. In constructing diplomatic discourse, it is necessary to fully realize the highly complex cross-cultural context in which it takes place and to consider it as the real environment of human global interaction.

KEYWORDS: Chinese diplomacy, diplomatic discourse, political discourse, Chinese language, Confucianism, Taoism, international relations, linguoculturology, Chinese linguoculture, soft power, cross-cultural communication, cultural traditions.

AUTHOR'S INFORMATION: Liu Xuezhen (China), Post-Graduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Liu Xuezhen. (2024). The Mechanisms of Cross-Cultural Communication on the Basis of the Chinese Cultural Tradition in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse. In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 216-222. (In Russ.).

Дипломатический дискурс — это инструмент формирования привлекательного и вселяющего доверие в партнеров по сотрудничеству образа страны в международной коммуникации, важный инструмент создания ее авторитета и поддержания влияния в международных отношениях, который принято в дипломатической практике и аналитике международных отношений называть «мягкой силой». Этот образ в своей основе не является чисто теоретическим дискурсом, а складывается, как это традиционно справедливо определяется в марксистской социальной теории, естественно-исторически, как результат тех экономических и социально-политических процессов, в которые оказалась вовлечена та или иная территория, где находится государство, от имени которого осуществляются дипломатические усилия в настоящий момент. Однако концептуальная работа политических деятелей и в особенности политических мыслителей, формирующих дипломатический язык, играет важную роль в акцентах и доставке этого образа партнерам по коммуникации, и в том числе по переговорам, которые часто надолго определяют порядок международных отношений. Вот почему анализ политического и, в особенности, переговорного языка (будь то устные переговоры, публичные выступления или переписка) играет столь важную роль в достижении искомых целей дипломатических усилий; в сущности, выверенный дипломатический язык, формирующий образ страны, от имени которой делаются дипломатические усилия и ведутся переговоры, и является предельным концентратом «мягкой силы», поскольку язык — самая характерная и коммуникативно эффективная из форм передачи информации между людьми.

Выражаемый коммуникационно в политическом языке международного общения механизм внешнеполитического влияния государства первоначально укоренен во внутренней культурной традиции этносов, населяющих территорию этого государства. Конструирование дипломатического дискурса — это, по сути, междисциплинарный кросс-культурный проект, требующий анализа во многих областях, таких как культурология, теория коммуникации, прикладная лингвистика, история, политическая психология.

На наш взгляд, трехкомпонентная модель «культура — эпоха — диалог» представляет собой эффективный инструмент для конструирования механизма китайского дипломатического дискурса. Оглядываясь на почти 5000-летнюю историю традиционной культуры Китая, можно сказать, что сформировался уникальный культурный образ, а древ-

некитайская теория международных отношений представляет собой самодостаточную концептуальную систему, в которой культурный универсализм играет доминирующую роль [Го Шуюн 2024].

Особую роль сыграло оказывавшее длительное влияние классическое китайское философское наследие, в котором особое значение имеет теоретический комплекс, разработанный Конфуцием. Среди конфуцианских принципов отмечается следующие: «совершенствовать свои нравственные качества (修身)», подчеркивающее культтивирование целостности личности, «приводить в порядок собственный дом (齐家)», сфокусированное на семейной гармонии и счастье. С другой стороны, положение «управлять государством (治国)» предполагает национальную стабильность и развитие. Эти три принципа призваны «обеспечивать мир и покой на земле(平天下)», являясь основой морали и стремления к цели.

Как мы можем видеть, в китайской философской традиции предполагается, что построение и практика дипломатического дискурса, начиная с индивида, семьи, нации и заканчивая мировым участием страны в общении и обменах всех уровней в контексте любого периода времени — это, по сути, внешнее проявление внутренне присущих Китаю исторически сформировавшихся культурных ценностей. Поэтому, создавая современный китайский дипломатический дискурс, мы должны взять за основу традиционную китайскую культуру и интегрировать в этот дискурс понятие «гуманность (仁)», положения «ладить и иметь свои взгляды (和而不同)», «всеобщая любовь и отрицание нападений (兼爱非攻)», «великое единство (大同)», «небо и земля (天下)» и некоторые другие фундаментальные приобретения классической китайской интеллектуальной культуры, чтобы построить современный китайский дипломатический дискурсивный механизм и добиться эффективного межкультурного диалога Китая с мировым сообществом.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Западные теоретические интерпретации китайской дипломатии в основном основаны на доминирующих на Западе механизмах дискурса. Однако такие механизмы и ментальные стереотипы часто игнорируют разнообразие культур и сложность общества обсуждаемой страны контакта, а укоренившаяся предзаданная перспектива рассмотр-

рения минимизирует возможности адекватной интерпретации намерений второй стороны диалога, делая восприятие усилий китайской дипломатии весьма тенденциозным и даже перерастающим в некритическую позицию отрицания на основании самого адресанта предложений.

Учитывая это, Китай должен расширить и диверсифицировать каналы коммуникации, усовершенствовать коммуникационные технологии, интегрировать коммуникационные ресурсы, улучшить средства коммуникации, обогатить содержание коммуникации и повысить ее эстетическое качество. Одновременно следует более широко пользоваться законным правом Китая на выступления в международном сообществе на всех имеющихся публичных площадках как политического, так неполитического характера для демонстрации миролюбивого и созидающего характера китайской культуры, чтобы сформировать и распространить положительный и привлекательный для всех участников процесса международного общения национальный имидж Китая в интересах продуктивного всестороннего сотрудничества [Лю Шаохуа, Тан Цзецюн 2010].

Для того чтобы более фундаментально обосновать современный китайский дипломатический дискурс, необходимо преодолеть указанные выше культурологические клише западных теорий «китаеведения». Следует иметь в виду, что эти заблуждения очень устойчивы, часто носят глубоко укорененный академический характер: источник таких заблуждений может иметь статус классика западной культуры (иногда и заслуженный в некоторых отношениях), но одновременно высказывать в своих работах совершенно неоправданные взгляды на содержание китайской культуры. Так, например, обстоит дело с известной всем недооценкой Г. В. Ф. Гегелем достижений китайской философии, которое часто являлось и продолжает являться источником умножения заблуждений западной публики относительно характера и действительной динамики развития китайской культуры. Такие заблуждения могут носить латентный, скрытый характер, но в решающий момент они дают себя знать как психологические мотивы, «спусковые крючки» для принятия негативных в отношении Китая решений международного характера. Поэтому на всех площадках — в том числе академического характера, как в указанном случае — роль китайских участников должна обязательно содержать в себе дополнительный мотив опровергающего устойчивые заблуждения кросс-культурного послания всем участни-

кам о реальном положении дел в истории китайской культуры, ее современном состоянии и открытом для продуктивного диалога со всеми культурами характере.

На развитие и эволюцию китайской дипломатии влияет не только общественно-исторический процесс, но и тесная связь с общей стратегией развития страны, поэтому для точного определения характеристик китайской дипломатии необходимо всесторонне рассмотреть ее с точки зрения культурных традиций и механизмов диалога, а также требований времени. Только так мы сможем избавиться от стереотипов западных представлений о Китае и по-настоящему понять уникальность китайского дипломатического дискурса.

Чем выше степень позитивной идентификации страны в международном сообществе, чем более очевидны черты стратегической культуры сотрудничества, и чем больше фокус интересов безопасности смещен в сторону экономической и кооперативной безопасности, тем больше вероятность того, что базовое взаимодействие страны с международным сообществом будет носить характер благожелательного сотрудничества [Цинь Яцин 2003]. Конфуцианская идея «роль ритуала заключается в достижении большей гармонии — 礼之用, 和为贵» глубоко укоренилась в генах китайской дипломатии, а концепция «ладить и иметь свои взгляды (和而不同)» соблюдается во всех внешних отношениях, отражая идеологическую традицию и дипломатическую философию мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, а также уважение к многокультурности и гармоничному сосуществованию, которые китайская нация отстаивает с древних времен. В нем воплощены традиции мышления и дипломатическая философия китайской нации, которая издавна выступает за мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество, уважая при этом мультикультурализм и гармоничное сосуществование.

С точки зрения международных отношений, с конца XX в. благодаря институциональным реформам, экономическому развитию, культурным инновациям и социальному строительству Китай значительно укрепил свою национальную мощь, его международное влияние расширялось, а дипломатия «мягкой силы (软实力)» постоянно совершенствовалась [Вы Юфу 2009]. В условиях сложной и нестабильной международной обстановки Китай всегда придерживался независимой мирной внешней политики и активно участвовал в глобальном управлении, внося китайскую мудрость и китайские

программы в строительство сообщества человеческой судьбы. Современная китайская дипломатия настаивает на том, чтобы на основе конфуцианской концепции «всеобщей любви и отрицания нападений (兼爱非攻)» были наведены мосты для диалога и обменов между цивилизациями.

Построение дипломатического дискурса с китайской спецификой должно начинаться с традиционного культурного механизма конфуцианства «Благородный муж с помощью культуры строит дружеский союз (君子以文会友)», который придал китайской дипломатии уникальные и важные характеристики. В центре внимания — культурные обмены с точки зрения поддержания разнообразия мировых цивилизаций и содействия общему развитию, что выражается в теории «дипломатии с китайской спецификой», новом положении китайских лидеров на мировой арене и дальнейшем развитии китайской «мягкой силы», что справедливо отмечается экспертами и вне Китая [Сухадольская 2016].

КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СВЕТЕ НОВОГО КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В процессе конструирования и практики цивилизационного диалога и дипломатического дискурса дискурс рассматривается уже не как простой текст или контекст, а как сложный механизм порождения смысла. Культурная дипломатия связана с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов [Цывык 2018]. Эта практика многогранна и включает в себя множество элементов, таких как коммуникативная направленность, правовая база, правила речи, поведенческие жесты, средства коммуникации, исторические связи, национальные традиции, светские обычаи и межкультурное общение. Эти элементы взаимозависимы и взаимодействуют друг с другом, а вместе они образуют органичное целое. Заимствуя идею о «единстве неба и человека (天人合一)» из китайской философии, мы можем рассматривать этот комплексный практический механизм как динамичное «поле культурного сотворчества». В этом поле общающиеся субъекты как узлы, посредством речевых актов, медиаканалов и других способов, в форме исторического и культурного фона, совместно конст-

руируют и развивают сложную «сеть дипломатических смыслов». Этот процесс является одновременно и результатом строительства сообщества, и воплощением культурного творчества. Как видно, только когда эти элементы существуют в гармонии и способствуют друг другу, культурный дискурс может сыграть свою роль в эффективном достижении амбициозной цели «сообщество единой судьбы человечества».

Даосская философия в положении «небо вечно, земля долговечна (天长地久)¹» подчеркивает взаимодействие между людьми, между людьми и обществом, равно как и «совместное культурное творчество» как вид «дискурсивной инновации», преодолевающей культурные границы, что не может быть достигнуто без участия многомерных культур. «Дискурсивные инновации» также неотделимы от участия многомерных культур. Такое участие предполагает не только передачу информации, но и динамичный интерактивный процесс. Однако в этом процессе есть некоторые различия: при принятии решений западные люди привыкли рассматривать в первую очередь отдельного человека или отдельных людей, в то время как китайцы склонны отдавать предпочтение макросреде, а не отдельным людям, что отражает целостный образ мышления [Цинь Яцин 2011]. Когда мы вводим понятие «с сотворчеством» в сферу межкультурной коммуникации, «культурное сотворчество» — это, по сути, культурный резонанс и взаимопонимание между отдельными людьми или группами, принадлежащими к разным культурным традициям. Оно не только подчеркивает передачу информации, но и фокусируется на эффективной коммуникации и обмене ценностями между различными культурными традициями. Кроме того, межкультурная коммуникация как сложное культурное явление включает в себя как непосредственное взаимодействие между людьми разного культурного происхождения, так и процесс глобального обмена и интеграции культурных элементов. Такая мобильность и интеграция могут приводить как к культурным конфликтам, так и способствовать культурным инновациям. Поэтому изучение «культурного сотворчества» в межкультурном контексте должно быть сосредоточено не только на различиях между культурами, но и на общности между ними и новых культурных формах, возникающих в результате их взаимодействия.

29 ноября 2012 года Си Цзиньпин во время посещения выставки «Путь к возрож-

¹ Небо вечно, земля долговечна. Земля: оттого может быть одно вечным, а другая долговечной, что не для себя живут (天长地久: 天地所以能长且久者, 以其不自生, 故能长生).

дению» впервые выдвинул идею о том, что «достижение великого омоложения китайской нации — величайшая мечта китайского народа с современных времен», тем самым открыв великое видение «Китайской мечты» [Новостная сеть Коммунистической партии Китая 2024]. «Дипломатическая мечта» — важная часть «китайской мечты», которая делает больший акцент на субъективности страны как способе создания внешнего имиджа и демонстрации ее «мягкой силы». Очевидно, что современная китайская дискурсивная система — это не только идеологическая система для достижения внутреннего консенсуса и руководства развитием, но и важный способ распространения китайского голоса и демонстрации имиджа Китая на внешнем уровне. Система дискурса, подобно организму, состоит из двух систем: мысли и действия. С этой точки зрения китайская система дипломатического дискурса не только несет в себе уникальный исторический и культурный вклад китайской нации, но и несет миссию ответственности за судьбу человечества в условиях глобализации.

Как же преодолеть культурные барьеры и наладить диалог и обмен между цивилизациями? Как мы можем понять друг друга и уважать взаимные различия, чтобы достичь консенсуса? Дипломатический дискурс, как важная часть национальной позиции и национального имиджа, в процессе продвижения строительства сообщества человеческой судьбы, не может избежать обменов между китайской и западной культурами, которые, в значительной степени, будут принимать форму идеологических или дипломатических игр, но конечным результатом которых является обмен цивилизациями и взаимопонимание [Го Шуюн 2024]. В частности, практика дипломатии, как особый способ и путь действия, по сути, является внешней практикой. Это обусловлено тем, что дипломатия как неотъемлемая часть национальной стратегии ориентирована на достижение национальных интересов посредством коммуникации и обмена. А коммуникация не может быть отделена от использования языка, символов, средств массовой информации и других инструментов дискурса. Однако дипломатический дискурс не является универсальным; он глубоко укоренен в конкретной культурной почве и всегда несет в себе ценности, образ мышления и привычки выражения той или иной культуры. Это также означает, что люди в разных культурах имеют разные позиции и дипломатические дискурсы.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ПОСТРОЕНИИ КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Китайский дипломатический дискурс, являясь частью китайской культуры, естественно, несет в себе отличительные китайские культурные особенности: «Лидерами КНР часто делаются заявления в духе китайской риторики, понятные и позитивно воспринимаемые внутри страны, но оставляющие мировому сообществу возможность для интерпретаций» [Помозова 2019]. Подобно тому, как идея «соединения тождественного и различного (合同异)» проходит через всю китайскую культуру, китайский дипломатический дискурс также выражает ее признаки. Образность китайской риторики, тем не менее, что является характерным признаком китайской культуры вербальной коммуникации, всегда подразумевает и чисто практическое содержание [Го Шуюн 2024].

Как видно, система мышления — это душа дискурса, включающая понятия, идеи, ценности и другие глубинные структуры, как «дао» в традиционной китайской культуре; система действия — это тело дискурса, включающее организации, системы, технологии и другие внешние проявления, как «аппарат» в традиционной китайской культуре. Они дополняют друг друга и вместе образуют «сообщество» построения и практики дискурса.

Культурная дипломатия, являясь неотъемлемой частью внешних отношений страны, не только объединяет ценностный консенсус различных цивилизаций, способствует взаимному доверию и сотрудничеству между странами, укрепляет «мягкую силу» страны, но и служит важным способом реализации национальных стратегических целей [Ван Шуюн 2023].

КОНСТРУИРОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Организация крупных международных мероприятий также составляет часть публичной дипломатии КНР. Такие события способствуют привлечению туристов в страну, а проведение культурных мероприятий позволяет познакомить иностранцев с китайским образом жизни, менталитетом и культурой [Кривохиж 2012]. В эпоху глобализации ландшафт международной коммуникации претерпел глубокие изменения. Для повышения эффективности дипломатического дискурса страны усилили разработку и построение более насыщенных международных взаимодействий, а также организацию масштабных международных мероприятий, чтобы создать дипломатические стратегии с международным влиянием и сформиро-

вать глобализованную и эффективную коммуникационную матрицу. Особенно в эпоху социальных медиа использование новых медиаплатформ для локализованной, нишевой и точной коммуникации стало важным средством повышения эффективности международной коммуникации.

Руководство КНР во главе с Си Цзиньпином постоянно отмечает, что развитие Китая и внешние обмены «являются выводами, сделанными на основе объективных суждений об истории, реальности и будущем, и представляют собой органическое единство идеологической уверенности в себе и практического самосознания» [Си Цзиньпин 2020]. Современная китайская дипломатия последовательно отстаивает культурную самодостаточность и мирное развитие. При участии общественного мнения в стране и за рубежом настойчивая дипломатия Китая, основанная на равноправии и совместном развитии, также находит любовь и признание у все большего числа миролюбивых и стремящихся к счастью людей во всем мире. Китайское правительство активно формирует национальный образ правдивости, развития и сотрудничества.

В процессе взаимодействия с представителями разных культур наиболее эффективно ставить себя на место другого. Например, «общие потребности» людей в лучшей жизни, мире и стабильности становятся средой для эффективного примирения и восстановления равноправного диалога, взаимного уважения и терпимости между культурами. Сегодня Китайская Народная Республика не только вносит решающий вклад в рост мировой экономики, но, являясь ответственной державой, готова брать на себя глобальную ответственность и оказывать влияние на важнейшие тенденции мировой политики, а также как страна с глубокими культурными традициями намерена содействовать цивилизационному диалогу и взаимообогащению культур [Денисов 2017]. Благодаря «культурной общности» мы можем лучше понять и интегрировать аудиторию из разных культурных слоев, а также помочь разрешить международные конфликты и разногласия и способствовать подлинному обмену и сотрудничеству между цивилизациями.

ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Традиционная идея «Ладить и иметь свои взгляды» дает важное представление о построении механизма дипломатического дискурса Китая. Китай должен не только придерживаться собственных ценностей и национальных интересов, но и уважать куль-

турные традиции и реалистичные требования других стран, стремиться к общему развитию на основе поиска точек соприкосновения при сохранении различий и многомерной дипломатии. Особое значение имеют глубокая интеграция, тесная координация и стратегическое сотрудничество в стыковке национальных стратегий развития, расширение взаимовыгодного сотрудничества в области экономики, торговли и инвестиций, более дружественные связи между людьми, более взаимное обучение и интеграция культур [Ван Цинпин 2024]. Китайский народ по-прежнему использует психологическую структуру «гуманности» для практики «взаимопонимания и взаимного приспособления» и содействия построению сообщества человеческой судьбы [Го Шуюн 2024].

Теоретические инновации китайского дипломатического дискурса должны быть прочно укоренены в глубокой исторической почве китайской цивилизации, опираться на суть плюралистических ценностей, таких как «Доброжелательность (仁), праведность (义), вежливость (礼), мудрость (智) и вера (信)», согласно формулировкам Статей школ мысли. Также необходимо активно вести диалог с западными дискурсивными механизмами, искать взаимодополняемость и инновации, превращая их во «всебоющую любовь и отрицание нападений». Как отметил один из авторитетных теоретиков в этой области Го Шуюн, следует двигаться в направлении универсализации ценностных ориентиров для достижения взаимопонимания между народами [Го Шуюн 2024]. Как следствие этого, необходимо сформировать представление о международном ландшафте, основанное на взаимопонимании различных цивилизаций и взаимовыгодном сотрудничестве.

Необходимо выйти за рамки бинарных оппозиций и однополярного мышления, присущих одностороннему дискурсу, и выстроить многоструктурный механизм и рамки международных отношений и дипломатического дискурса. По этим причинам возник механизм дипломатического дискурса с китайской спецификой, с традиционной китайской культурой и глобальным мышлением в контексте технологической эпохи, и он, безусловно, будет способствовать мирному развитию мира и перспективам судьбы людей.

Подводя итог, можно сказать, что ядром построения и практики китайского дипломатического дискурса является яркое воплощение идей «гуманности (仁)» и «гармонии (和)», отстаиваемых китайской традиционной культурой. Создание механизма культурного диалога и дискурса не только открывает новую перспективу для дипломатических ис-

следований и расширяет их теоретическую глубину и широту, но и, что более важно, служит важным теоретическим руководством для межкультурной практики. Только так мы сможем окончательно преодолеть столкновение и смешение различных систем культурного дискурса, чтобы справиться со сложной и меняющейся международной ситуацией, достичь глобального видения и добиться эффективной передачи голоса Китая на основе взаимного уважения.

ИСТОЧНИКИ

1. Новостная сеть Коммунистической партии Китая. — 2024.08.12. — URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0504/c448544-32677878.html>. — (На кит. яз.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, Цинпин. Построение сообщества единой судьбы человечества и китайско-российского сообщества единой судьбы / Ван Цинпин. — Текст : непосредственный // Закон и власть. — 2024. — № 3. — С. 119–128.
2. Ван, Шую. Теоретические основы и практические изыскания для продвижения китайской культурной дипломатии в новую эпоху / Ван Шую. — Текст : непосредственный // Журнал общественных наук Нинся. — 2023. — № 4. — С. 59–64. — (На кит. яз.).
3. Ву, Юфу. Иностранные культурные коммуникации и формирование национального имиджа Китая / Ву Юфу. — Текст : непосредственный // Журнал международных наблюдений. — 2009. — № 1. — С. 8–15. — (На кит. яз.).
4. Го, Шуюн. От культурного космополитизма к культурному интернационализму: исследование трансмутации теорий международных отношений в Древнем Китае / Го Шуюн. — Текст : непосредственный // Журнал международных наблюдений. — 2024. — № 1. — С. 1–47. — (На кит. яз.).
5. Денисов, И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов. — Текст : непосредственный // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 83–98.
6. Кривохиж, С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая / С. В. Кривохиж. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2012. — № 3. — С. 103–112.
7. Ломанов, А. В. роль культурного наследия в формировании облика Китая за рубежом / А. В. Ломанов. — Текст : непосредственный // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии : сборник статей / отв. ред. Б. Г. Доронин. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, Восточный ф-т ; изд-во РХГА, 2011. — С. 73–89.
8. Лю, Шаохуа. Национальный имидж Китая: вопросы и размышления / Лю Шаохуа, Тан Цзэцион. — Текст : непосредственный // Вестник Хунаньского нормального университета (издание по общественным наукам). — 2010. — № 4. — С. 39–43. — (На кит. яз.).
9. Помозова, Н. Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. — наст. вр.) / Н. Б. Помозова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2019. — № 2. — С. 76–88.
10. Радиков, И. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 2. С. 19–26.
11. Си, Цзиньпин. Рассуждения о дипломатии великой державы с китайской спецификой / Си Цзиньпин. — Пекин : Центральное издательство литературы, 2020. — С. 122–123. — (На кит. яз.).
12. Сухадольская, Л. Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая / Л. Л. Сухадольская. — Текст : непосредственный // Общество и государство в Китае. — 2016. — № 1. — С. 363–370.
13. Цызык, Г. И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) / Г. И. Цызык. — Текст : непосредственный // Вестник Российской Федерации дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2018. — № 2. — С. 135–144.
14. Цинь, Яцин. Китайская культура и ее влияние на принятие дипломатических решений / Цинь Яцин. — Текст : непосредственный // Журнал международных исследований. — 2011. — № 5. — С. 21–33. — (На кит. яз.).
15. Цинь, Яцин. Национальная идентичность, стратегическая культура и интересы безопасности — три гипотезы об отношениях Китая с международным сообществом / Цинь Яцин. — Текст : непосредственный // Журнал мировой экономики и политики. — 2003. — № 1. — С. 10–15+77. — (На кит. яз.).

MATERIALS

1. Communist Party Of China News Network (2024, Aug. 12). Retrieved from <http://Cpc.People.Com.Cn/n1/2023/0504/c448544-32677878.html> (In Chinese)

REFERENCES

1. Wang, Qingping (2024). “Building a Community of Common Destiny of Humanity and the Sino-Russian Community of Common Destiny. *Law and Power*, 3, 119–128. (In Russian)
2. Wang, Shuo (2023). Theoretical Foundations and Practical Research to Promote Chinese Cultural Diplomacy in The New Era. *Ningxia Journal Of Social Sciences*, 4, 59–64. (In Chinese)
3. Wu, Yufu (2009). Foreign Cultural Communication and the Formation of China's National Image. *Journal of International Observations*, 1, 8–15 (In Chinese)
4. Guo, Shuyong (2024). From Cultural Cosmopolitanism to Cultural Internationalism: Exploring the Transmutation of International Relations Theories in Ancient China. *Journal of International Observations*, 1, 1–47. (In Chinese)
5. Denisov, I.E. (2017). China's Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 5, 83–98. (In Russian)
6. Krivokhizh, C.V. (2012). “Soft Power” And Public Diplomacy in The Theory and Foreign Policy Practice of China. *Vestnik of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*, 3, 103–112. (In Russian)
7. Lomanov, A.V. (2011). Rol' kul'turnogo naslediya v formirovaniy oblika Kitaya za rubezhom [The role of cultural heritage in shaping China's image abroad]. In B.G. Doronin (Resp. Ed.), *Kul'turnoe nasledie v sovremennoy politicheskoy i sotsial'noy praktike stran dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoy azii* (collection of articles, pp. 73–89). St. Petersburg: SPbGU, Vostochnyy f-t; izd-vo rKhGa. (In Russian)
8. Liu, Shaohua, & Tang, Jieqiong (2010). China's National Image: Questions and Reflections. *Bulletin of Hunan Normal University (Social Science Publication)*, 4, 9–43. (In Chinese)
9. Pomozova, N.V. (2019). “Community of Common Destiny”: Evolution of China's Foreign Policy Concept (Late 1990s to Present Time). *Vestnik RGGU. Series: Political Science. History. International Relations*, 2, 76–88. (In Russian)
10. Radikov, I., & Leksyutina, Ya. (2012). «Myagkaya sila» kak sovremenennyy atribut velikoy derzhavy [“Soft power” as a modern attribute of a great power]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otношения*, 2, 19–26. (In Russian)
11. Xi, Jinping (2020). *Discourse of Great-Power Diplomacy with Chinese Characteristics* (pp. 122–123). Beijing: Central Literature Publishing House. 2020. (In Chinese)
12. Sukhadolskaya, L.L. (2016). “Chinese Dream” and China's New Diplomacy. *Society and State in China*, 1, 363–370. (In Russian)
13. Tsvykh, I.G. (2018). Cultural Diplomacy in Modern International Relations (On the Case of Russia and China). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History*, 2, 135–144. (In Russian)
14. Qin, Yaqing (2011). Chinese Culture and its Influence on Diplomatic Decision-Making. *Journal of International Studies*, 5, 21–33. (In Chinese)
15. Qin, Yaqing (2003). National Identity, Strategic Culture and Security Interests — Three Hypotheses on China's Relations with the International Community. *Journal of World Economics and Politics*, 1, 10–15. (In Chinese)